

Будь то Постоялый двор «Линлун», выживающий в щели между добром и злом; праведники, жаждущие отомстить её учителю; те, кто ведёт свою игру на Заставе Вэйлин; или даже сам её учитель, который, несмотря на страдания, продолжал нести миссию Алой Звезды, и многие другие...

Все они шли по реке жизни, полной невзгод, следуя собственному Пути. Даже когда ветер, песок и карма били им в лицо, они шли вперёд.

— Даже если в мире странствий и нет законов, в сердцах людей есть свои устои и Принципы. Возможно, есть и те, кто пренебрегает чужими жизнями, творит зло. Но карма неизбежна — причиняющий вред в итоге вредит себе.

Чжао Фэн был тому примером.

Дойдя в размышлениях до этой точки, Ли Чжао что-то поняла. Ей нужен собственный Путь. Не тот, что завещал учитель, и не тот, чего хотят другие. Тот, что рождается в глубине сердца и принадлежит только ей. Лишь так она не сойдёт с пути в густом тумане мира странствий. Конечно, этот Путь не должен быть злым и причинять вред.

Услышав её слова, Бабушка Пу разгладила нахмуренный лоб и громко, от души рассмеялась:

— Я-то хотела закалить твоё терпение, избавить от озлобленности или пробудить боевой дух. А ты, дитяtko, прозрела совсем о другом. Что ж, сегодняшнее испытание считай пройденным.

Эти слова лишь сильнее озадачили Ли Чжао. Что значит «испытание пройдено»?

Увидев вновь вспыхнувшее на её лице недоумение, Бабушка Пу покачала головой и вздохнула:

— И не пойму, глупая ты или умная.

Не дав Ли Чжао что-либо понять, она направилась на кухню и принесла оттуда еду и вино.

Ли Чжао изумилась, решив, что эта прозорливая старуха всё ещё не наелась, и застыла на месте.

Видя это, Бабушке Пу очень захотелось взять бамбуковую трость — в былые времена, когда её ученики тупили, одного удара хватало для прозрения. Но теперь она была стара, двигаться было лень, да и терпения прибавилось. Поэтому она просто молча уставилась на глуповатую Ли Чжао.

И лишь когда еда на столе уже почти остыла, Ли Чжао вдруг всё осенило. Она поспешила занять место, с улыбкой поблагодарила Бабушку Пу и... набросилась на еду.

В последующие дни Ли Чжао под руководством Бабушки Пу читала книги и совершенствовала боевые навыки, а взамен помогала ей по хозяйству. Словно в одно мгновение она вернулась в юные годы.

Она до сих пор не понимала: как так вышло, что она пришла за утешением, а вместо этого попала в обучение? Но это не мешало ей покорно следовать наставлениям Бабушки Пу, ибо польза была очевидна.

За это время она явственно ощутила свой рост, разительно отличавшийся от прежнего.

Раньше она практиковала боевые искусства, слепо следуя приёмам и методам, переданным

учителем, строго придерживаясь канонов и не обращая внимания ни на что другое. Но Бабушка Пу установила правило: осмелся повторить хотя бы один приём в десяти — лишишься еды. Повторишь десять приёмов в сотне — добавится час стойки всадника. А за день нужно было отработать триста приёмов...

Поначалу Ли Чжао часто голодала и получала наказания, став ещё худее и измождённое, чем до приезда. Тётушки и дядюшки, изредка навещавшие её, искренне переживали. Однако от неё больше не веяло скорбью, что немного успокаивало их. Но даже так они уговаривали Бабушку Пу не быть столь суровой.

Увы, упрямая старуха и слушать не желала, а Ли Чжао не роптала. Жителям Городка Чжуге ничего не оставалось, как время от времени наведываться с проверкой, принося с собой лекарства и еду.

К счастью, Ли Чжао не была столь тупой. Несколько дней голода и наказаний заставили её наконец-то запомнить триста приёмов, выведенных ею из Техники меча Равного Сияния. Теперь она могла есть досыта и не засыпать в стойке всадника. Но не прошло и нескольких дней, как «злобная» старуха велела ей забыть все триста приёмов...

Ей правда захотелось заплакать! Ведь эти приёмы были выстраданы потом и кровью! Пусть они и не были идеальны, но это был плод её бессонных трудов. Просто взять и забыть — слишком жестоко.

Пусть её характер уже изрядно потрепан, но в ней ещё оставалась доля упрямства, и она достойно воспротивилась. Результатом стала взбучка от Бабушки Пу и несколько дней постельного режима...

Впрочем, Бабушка Пу на сей раз проявила снисхождение. Она больше не требовала забывать триста приёмов, но с условием: каждый день они будут спарринговаться, и Ли Чжао не должна падать в течение десяти приёмов. Упадёт — перепишет книгу. Это уж очень напоминало требования учителя: в былые времена за провинности её тоже заставляли переписывать книги.

Но учитель был милостив — максимум одна-две книги в месяц. Не то что эта безжалостная Бабушка Пу, которая каждый день заставляла переписывать по десять книг! Да ещё таких толстых, как «История ста государств»! Не выполнишь норму — ни вина, ни сна. А самое подлое — книги каждый день были разные!

Ли Чжао ходила в полубреду, в голове у неё беспрестанно крутились то исторические хроники, то военные трактаты, то медицинские справочники, то даосские каноны. Она переписала «Технику Золотой Пилюли», полученную от наставника, аж несколько раз. И вот, в один прекрасный безмятежный полдень, она рухнула без чувств на веранде и проспала целых три дня.

Очнувшись, она обнаружила, что Тетюшка Сун уже перевезла её в постоянный двор, и сообщила, что Бабушку Пу изгнали из Городка Чжуге, так что та больше не сможет мучить её «злодейскими» методами.

Ли Чжао, конечно, испытала и чувство вины, и нежелание мириться с таким положением. Но она не могла сердиться на жителей городка — они действовали из добрых побуждений, не в силах смотреть на её страдания. Однако смириться с этим она тоже не могла. Поэтому, объяснив всем свою точку зрения, она в одиночку отправилась на поиски Бабушки Пу.

К счастью, с помощью Брата Суна ей не пришлось долго искать. И первыми словами Бабушки

Пу при встрече были: «Ты прошла испытание».

Ли Чжао и вправду разозлилась. Неужели весь городок сговорился, чтобы подшутить над ней?

Но, переписав столько книг, она, даже будучи не слишком сообразительной, усвоила: не стоит торопиться с выводами. Всё сущее имеет свои причины и принципы. Нужно смотреть на вещи с разных сторон, не позволяя эмоциям полностью собой завладеть. И всегда сохранять крупицу хладнокровия.

Именно благодаря бесконечному переписыванию книг Ли Чжао не ошиблась в отношении тех, кто искренне о ней заботился. Она понимала методы Бабушки Пу и благодарна за её наставления. Но следовать её действиям слепо она больше не станет — использование её близких в качестве разменной монеты для достижения целей перешло все допустимые границы.

Ли Чжао вернула себе свой нрав.

В этом-то и была цель Бабушки Пу. Если из-за терпимости и снисходительности к другим человек теряет собственные границы, позволяя другим себя унижать, то такая «доброта» изначально порочна. Доброта должна быть не только к другим, но и к себе.

Конечно, Бабушка Пу не произнесла этих слов вслух. Но Ли Чжао, поразмыслив, всё поняла и запечатлела в сердце.

Кроме этого, ей пришлось выполнять множество странных заданий. Хотя они и принесли немалую пользу, вспоминать о них совсем не хотелось...

Наставничество Бабушки Пу завершилось перед самым Новым годом. В последнем спарринге Ли Чжао сумела выдержать семь приёмов, а на следующее утро, в канун праздника, сдала три переписанные книги.

Когда она уже собиралась покинуть дом Пу, Бабушка Пу, всегда ставившая во главу угла личный пример, неожиданно удостоила её словесным наставлением. Пусть и всего одной, весьма загадочной фразой:

— Гонись или отпускай. Делай всё, что в твоих силах, и не сожалей.

Услышав это, Ли Чжао опустилась на колени и отвесила низкий поклон. Поднявшись, она улыбнулась и пригласила Бабушку Пу встретить Новый год вместе со всеми жителями Городка Чжуге.

Но Бабушка Пу отказалась:

— Стара я, люблю покой. Не буду мешать вашему веселью. Но завтра являйся с поздравлениями.

Ли Чжао, конечно, согласилась и не стала настаивать. Ещё раз поклонившись, она покинула дом Пу.

Вскоре после её ухода Бабушка Пу принесла кувшин вина и две чашки, уселась на веранде, наполнила обе и, глядя на безбрежное ясное небо, прислушивалась к праздничному шуму извне.

Внезапно она тихо усмехнулась и произнесла вслух:

— Ачжо, ученицу ты воспитала неплохую. На последнем испытании она отстала от тебя всего на один приём. Учитель твой доволен.

Сказав это, она осушила одну чашку, а вторую вылила на землю. Затем вновь наполнила обе.

Держа чашку в правой руке, она взглянула на пустоту там, где должны были быть мизинец и безымянный палец — это было её ранение, из-за которого правая рука уже с трудом держала меч.

— Ачжо, у твоей ученицы уже есть любимый человек. Схоже с нашей историей. Но, думается, наших ошибок она не повторит. Путь её, конечно, тернист, но будь спокойна — учитель ей поможет. Эх... А простила ли ты меня?

Ответа не последовало. Лишь вино в чашках колыхалось от дуновения ветра...

<http://bllate.org/book/16264/1464216>